

УДК 343.2/7

ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ КВАЛИФИКАЦИИ САМОВОЛЬНОГО ПОДКЛЮЧЕНИЯ К ГАЗОПРОВОДУ

Д. Б. Чернышев

преподаватель кафедры уголовного права
Уральского юридического института МВД России
(г. Екатеринбург)

В статье рассматривается проблема квалификации судами одинаковых действий, связанных с самовольным подключением к газопроводу и последующим хищением из него природного газа, по разным статьям Уголовного кодекса Российской Федерации. Автор полагает, что указанные действия квалифицируются по ст. 158 Уголовного кодекса Российской Федерации в случае установления и доказывания объема и стоимости похищенного, а по ст. 215.3 Уголовного кодекса Российской Федерации — в случае, когда установить размер причиненного ущерба процессуальными средствами не представляется возможным. Таким образом, интересы справедливости при назначении наказания ставятся в зависимость от процессуальных возможностей правоприменителей. Автором сделан вывод о необходимости исключения из диспозиции ст. 215.3 Уголовного кодекса Российской Федерации формальных действий, связанных с самовольным подключением к газопроводу, и возвращения указанной нормы к прежней редакции.

Ключевые слова: самовольное подключение, газопровод, хищение, административная преюдиция, кража.

Самовольные подключения к магистральным трубопроводам, по которым осуществляется транспортировка топливных ресурсов, в частности природного газа, представляют повышенную опасность, так как, помимо причинения имущественного вреда интересам собственников — энергетических компаний, они потенциально могут привести к авариям на газопроводах. В результате этого могут наступать труднопрогнозируемые общественно опасные последствия, начиная с отключения населенных пунктов от централизованного снабжения энергоресурсами и заканчивая пожарами, взрывами, угрожающими здоровью и жизни людей. Это обуславливает необходимость особой правовой охраны общественных отношений, связанных с транспортировкой энергоресурсов по трубопроводам, в том числе уголовно-правовыми методами.

До июля 2018 г. за самовольное подключение к газопроводам была предусмотрена административная ответственность, установленная ст. 7.19 Кодекса об административных правонарушениях (далее — КоАП) Российской Федерации. Однако в связи с участвовавшими случаями совершения указанных правонарушений, повлекших фактическое наступление указанных выше последствий, законодатель пересмотрел свое отношение к уровню общественной опасности деяния. А. Ю. Теунаев в своей работе приводит ряд примеров гибели людей, произошедших в Северо-Кавказском регионе в результате незаконного подключения к газопроводам. В рамках реализации государственной уголовно-правовой политики по обеспечению охраны общественных отношений, связанных с обеспечением общественной безопасности в сфере функционирования нефтепроводов, нефтепродуктопроводов, газопроводов, а также иных объектов, сооружений, технологически с ними связанных, Федеральным законом от 29 июля 2018 г. № 229-ФЗ были внесены изменения в ст. 215.3 Уголовного кодекса (далее — УК) Российской Федерации [1]. Так, если ранее уголовная ответственность была предусмотрена за действия, связанные с разрушением, повреждением или приведением иными способами в негодное состояние нефтепроводов, нефтепродуктопроводов, газопроводов, которые могли повлечь нарушение их нормальной работы, то в новой редакции в диспозицию нормы были добавлены также действия, связанные

с самовольным подключением к нефтепроводам, нефтепродуктопроводам, газопроводам, совершенные лицом, ранее подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние. Таким образом, новая редакция ст. 215.3 УК Российской Федерации делает отсылку к ст. 7.19 КоАП Российской Федерации. Председатель Комитета Государственной Думы Российской Федерации по государственному строительству и законодательству П. В. Крашенинников прокомментировал указанные изменения уголовного законодательства, указав в качестве главного мотива снижение случаев незаконного подключения к объектам передачи энергоресурсов, несущих риски возникновения аварий, экологических проблем и трагических последствий, угрозу жизни и здоровью граждан, а также экологии. Следует отдельно отметить, что в качестве мотивов данных противоправных деяний он назвал корыстные побуждения субъектов, выражающиеся в их нежелании оплачивать потребленные ресурсы [2]. Последнее замечание имеет важное значение для настоящего исследования, о чем речь пойдет ниже.

Примененный законодателем подход в целом соответствует существующей в последние годы тенденции на криминализацию проявлений административной преюдиции. В качестве аналогии можно привести ст. 151.1, 158.1, 264.1 УК Российской Федерации [3].

Рассматривая диспозицию ч. 1 ст. 215.3 УК Российской Федерации (а также ее квалифицированной формы, содержащейся в ч. 2 ст. 215.3 УК Российской Федерации), можно сделать вывод о ее формальном составе, так как криминализации подвергаются сами действия, связанные с самовольным подключением, без указания на необходимость наступления каких-либо общественно опасных последствий. Как нами отмечалось выше, криминализация указанных действий обусловлена объектом посягательства — общественной безопасностью. Однако, соглашаясь с мнением П. В. Крашенинникова, мы полагаем, что совершение субъектом действий, связанных с самовольным подключением к газопроводу (нефтепроводу, нефтепродуктопроводу), является по сути средством достижения основного преступного результата, а именно получения доступа к транспортируемым по трубопроводам коммунальным энергоресурсам. Криминализованное же в ст. 215.3 УК Российской Федерации самовольное подключение самоцелью субъекта не является. И если в результате действий субъекта за самовольным подключением следует хищение энергоресурсов путем их потребления, то, соответственно, нельзя рассматривать указанные деяния по отдельности. В связи с этим самостоятельное применение ч. 1 ст. 215.3 УК Российской Федерации при квалификации вызывает ряд вопросов. Тем не менее изучение вступивших в силу обвинительных приговоров судов, вынесенных по ч. 1 ст. 215.3 УК Российской Федерации после внесения изменений, свидетельствует о сложившейся единообразной правоприменительной практике.

В качестве примера можно привести обвинительный приговор Прохладненского городского суда Кабардино-Балкарской республики, вынесенный 29 июля 2020 г. в отношении гр. В. В. Субботы. Судом было установлено, что подсудимый, имея в собственности жилой дом, ранее отключенный от газопровода за систематические неуплаты, самовольно подключил его к газовой трубе, после чего продолжил потреблять природный газ. Факт самовольного подключения был выявлен сотрудниками организации — поставщика газа, дом вновь был отсоединен от газопровода, В. В. Суббота был привлечен к административной ответственности по ст. 7.19 КоАП Российской Федерации. После этого подсудимый, зная о том, что он является лицом, ранее привлеченным к административной ответственности за самовольное подключение к газопроводу, действуя умышленно, с целью получения доступа к природному газу и его дальнейшего потребления, вновь подключил свое домовладение к газопроводу посредством резинового шланга. В дальнейшем В. В. Суббота продолжительное время

тайно и неучтенно потреблял природный газ для собственных бытовых нужд до момента, пока его действия не были выявлены и пресечены сотрудниками полиции [4].

Аналогичные решения были приняты 24 июля 2020 г. Гудермесским городским судом Чеченской Республики в отношении М. Х. Абдуева [5], 29 сентября 2020 г. Буйнакским городским судом Республики Дагестан в отношении С. Г. Макаева [6] и др.

Анализируя данные приговоры, мы приходим к выводу о полной идентичности совершенных деяний по всем признакам: субъект самовольно подключает принадлежащее ему домовладение к газопроводу, после чего в течение продолжительного времени потребляет из него природный газ для личных бытовых нужд. При этом он действует тайно, не сообщая о факте своего подключения компании — поставщику газа. Также субъект делает это безвозмездно, не производя оплату за фактически потребленные энергоресурсы, не имеет намерения оплачивать их. Таким образом, мы можем наблюдать все признаки тайного хищения, определенные примечанием № 1 к ст. 158 УК Российской Федерации. Несмотря на это, субъект привлекается к административной ответственности по ст. 7.19 КоАП Российской Федерации за сам факт подключения, при этом его противоправному деянию в части хищения энергоресурсов юридическая оценка не дается. В дальнейшем субъект повторяет свои противоправные действия, то есть самовольно с целью неучтенного потребления природного газа подключает свое домовладение к газопроводу и продолжительное время использует энергоресурс для личных бытовых нужд (приготовление пищи на газовой плите, обогрев жилища). Необходимо отметить, что умысел субъекта и при первом самовольном подключении, и при повторном остается неизменным и направлен прежде всего на совершение хищения природного газа, а вовсе не на подключение как таковое [7]. При этом прямое указание на данный умысел имеется в описательной части приговоров судов. Тем не менее юридической оценки действия, связанные с хищением природного газа, не получили ни на стадии предварительного следствия, ни в приговорах судов.

Также необходимо отметить, что для квалификации действий, связанных с тайными хищениями из газопроводов, существует специальная уголовно-правовая норма — п. «б» ч. 3 ст. 158 УК Российской Федерации. Она существует значительно дольше, и по ней также сложилась уже достаточно устойчивая и единообразная судебная практика.

В качестве примера можно привести обвинительный приговор, вынесенный 29 июля 2020 г. Шалинским городским судом Чеченской республики по п. «б» ч. 3 ст. 158 УК Российской Федерации в отношении М. Л. Эпендиевой. Судом установлено, что подсудимая, имеющая в собственности частное домовладение с земельным участком, на котором расположены 4 теплицы, самовольно, с привлечением третьего лица, осуществила врезку в проходящий через ее участок газопровод, соединив его посредством резинового шланга с теплицами. В дальнейшем М. Л. Эпендиева, действуя умышленно, движимая корыстными побуждениями, в течение определенного времени осуществляла хищение природного газа из газопровода путем его потребления для собственных бытовых нужд — обогрева теплиц [8].

Анализируя обе описанные нами уголовно-правовые ситуации, мы видим полное совпадение всех признаков объекта, объективной стороны, субъективной стороны и субъекта. Соответственно, возникает вопрос: почему аналогичные противоправные действия судами в одном случае квалифицируются по п. «б» ч. 3 ст. 158, а в другом — по ч. 1 ст. 215.3 УК Российской Федерации? При этом необходимо вспомнить, что в соответствии со ст. 15 УК Российской Федерации ч. 3 ст. 158 УК Российской Федерации относится к категории тяжких преступлений, а ч. 1 ст. 215.3 — к преступлениям небольшой тяжести. В данном аспекте решение указанных противоречий в правоприменительной практике имеет существенное значение для соблюдения принципа справедливости при назначении наказания, установленного ст. 6 УК Российской Федерации.

Для ответа на данный вопрос необходимо сделать отступление в область проблем уголовно-процессуального права, которые, на наш взгляд, и обуславливают установленные противоречия в уголовно-правовой квалификации. В ходе анализа судебной практики мы пришли к выводу, что причина кроется в сложностях, связанных с процессуальным механизмом установления и доказывания объема потребленного (похищенного) природного газа и, как следствие, — его стоимости. Кража относится к материальным составам преступлений [9]. Соответственно, при квалификации действий субъекта по ст. 158 УК Российской Федерации в предъявленном обвинении необходимо указывать точный объем и стоимость похищенного. Однако сам характер хищения, выразившегося в тайном продолжительном неучтенном потреблении природного газа, в обход приборов учета, на практике затрудняет, а порой и делает невозможным установление процессуальными средствами объема похищенного. В случае выявления факта самовольного подключения к газопроводу указанное продолжаемое преступление становится оконченным, однако установить следственным путем фактические периоды работы потребляющих приборов (кухонной плиты, отопительных котлов) не представляется возможным. Как следствие, не удастся установить размер причиненного преступлением имущественного ущерба.

В качестве примера, иллюстрирующего указанную проблему, можно привести уголовное дело по обвинению Д. Н. Золотаревой в совершении преступления, предусмотренного п. «б» ч. 3 ст. 158 УК Российской Федерации, рассмотренном Тагилстроевским районным судом города Нижнего Тагила. Органами предварительного следствия Д. Н. Золотарева обвинялась в том, что 1 января 2018 г. она, действуя тайно, умышленно, из корыстных побуждений, самовольно подключила принадлежащий ей жилой дом, ранее отключенный от централизованного газоснабжения за неуплату, к магистральному газопроводу, после чего в период с 1 января по 7 мая 2018 г. потребляла природный газ для собственных бытовых нужд. Д. Н. Золотарева использовала для приготовления пищи газовую плиту с четырьмя конфорками «Zanussi», в результате чего потребила в указанный период 2 278,5024 куб. м природного газа. Также Д. Н. Золотарева использовала газовый котел Лемакс Wester Clever, в результате чего потребила 7 232,1024 куб. м природного газа. Общая стоимость похищенного составила 43 696,86 рублей [10].

Приговором суда от 11 октября 2018 г. Д. Н. Золотарева была оправдана на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК Российской Федерации в связи с отсутствием в ее действиях состава преступления. Мотивируя свое решение, суд указал на тот факт, что в ходе предварительного следствия не установлен точный объем похищенного природного газа. Приведенный расчет, основанный на нормативной мощности установленных в доме Д. Н. Золотаревой потребляющих газ приборов (плита и котел), суд счел не допустимым, так как подсудимая, полностью признавшая себя виновной, утверждала, что фактически пользовалась плитой и отопительным котлом не непрерывно, а по необходимости, включая их только для приготовления пищи и для обогрева жилища. Размер вмененного Д. Н. Золотаревой имущественного ущерба следствием был рассчитан в соответствии с Правилами учета поставляемого газа, определения объема потребленного газа и расчета размера платы за газ [11].

Вынесенным на основании возражений прокурора и потерпевшей стороны апелляционным постановлением указанный оправдательный приговор был отменен, уголовное дело возвращено в суд первой инстанции для нового рассмотрения. Приговором суда от 3 октября 2019 г. Д. Н. Золотарева была осуждена за совершение преступления, предусмотренного п. «б» ч. 3 ст. 158 УК Российской Федерации, при этом суд согласился с объемом предъявленного обвинения. Данный обвинительный приговор вступил в силу.

Как мы видим, рассмотрение данного уголовного дела судом закончилось благополучно, однако проблема определения фактического объема похищенных энерго-ресурсов не решена. И если в рассмотренном случае был установлен период самовольного подключения (даты начала и окончания потребления Д. Н. Золотаревой природного газа), позволяющий произвести расчет в соответствии с упомянутыми выше Правилами учета поставляемого газа, определения объема потребленного газа и расчета размера платы за газ, то в иных случаях при выявлении подобных фактов возможность установить дату начала совершения преступления может отсутствовать.

Исходя из этого, можно предположить, что, по замыслу законодателя, внесение в ст. 215.3 УК Российской Федерации изменений, связанных с криминализацией формальных действий по самовольному подключению к газопроводу, должно было решить в первую очередь проблемы уголовно-процессуального характера, а именно невозможность установить и доказать объем похищенных энерго-ресурсов. Об этом свидетельствует также тот факт, что в описательной части приговоров, вынесенных по ч. 1 ст. 215.3 УК Российской Федерации, судами отмечалось наличие корыстного умысла, направленного на получение возможности неучтенно потреблять природный газ, а также фактическая его реализация. Однако юридической оценки указанным действиям суды не дают.

Отвечая на поставленный ранее вопрос, почему суды одни и те же деяния квалифицируют по различным составам, можно сделать следующие выводы: практика применения ч. 1 ст. 215.3 УК Российской Федерации сложилась в случаях, когда правоприменителям не удалось процессуальными средствами установить объем и стоимость похищенного природного газа. И именно отсутствие (а точнее не отсутствие, а неустановление) материального признака кражи вынуждает следователей вменять обвиняемым формальный состав. При этом параллельно существует практика вменения субъектам п. «б» ч. 3 ст. 158 УК Российской Федерации, при этом характер и размер причиненного ущерба находят свое отражение в результативной части приговоров.

Безусловно, усилия, направленные законодателем на максимальную защиту сферы транспортировки энерго-ресурсов, являются правильными и своевременными. Однако способ их реализации на практике выглядит не вполне оправданным, так как это выразилось в решении проблем процессуального права за счет нарушения материального права. А именно, законодатель, вероятно желая оптимизации применения уголовного законодательства, попытался достичь этого путем решения правоприменительных задач процессуального характера. При этом возникла новая проблема применения уже норм уголовного права, нарушающего таким образом принцип справедливости. Ведь квалификация одних и тех же действий субъекта в качестве тяжкого преступления (п. «б» ч. 3 ст. 158 УК Российской Федерации) либо преступления небольшой тяжести (ч. 1 ст. 215.3 УК Российской Федерации) ставится в зависимость от возможности (либо невозможности) в конкретной ситуации установить и доказать размер причиненного ущерба уголовно-процессуальным путем.

Мы полагаем такие допущения, решающие технические проблемы правоприменения за счет нарушения принципов уголовного права, недопустимыми. В связи с чем предлагаем исключить из действующей редакции ст. 215.3 УК Российской Федерации части 1 и 2, изложив данную норму в прежней редакции:

«Статья 215.3 УК Российской Федерации. Приведение в негодность нефтепроводов, нефтепродуктопроводов и газопроводов

1. Разрушение, повреждение или приведение иным способом в негодное для эксплуатации состояние нефтепроводов, нефтепродуктопроводов, газопроводов, а также технологически связанных с ними объектов, сооружений, средств связи, автоматики, сигнализации, которые повлекли или могли повлечь нарушение их нормальной работы и были совершены из корыстных побуждений.»

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Теунаев, А. Ю. Уголовно-правовая характеристика нововведений в статье 215.3 Уголовного кодекса Российской Федерации / А. Ю. Теунаев // Вестн. Чечен. гос. ун-та. — 2019. — № 2 (34). — С. 114–119.
2. Принят закон об уголовной ответственности за самовольное подключение к нефте- и газопроводам [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://komitet2-10.km.duma.gov.ru/Novosti_Komiteta/item/16610170. — Дата доступа: 06.11.2021.
3. Бочкарев, И. Е. К вопросу о криминализации административных правонарушений путем использования административной преюдиции / И. Е. Бочкарев // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. — 2019. — № 5. — С. 76–87.
4. Приговор № 1-139/2020 от 29 июля 2020 г. по делу № 1-139/2020 [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ. — Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/Imhyn456sF5u/>. — Дата доступа: 08.11.2021.
5. Приговор № 1-83/2020 от 24 июля 2020 г. по делу № 1-83/2020 [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ. — Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/FafDlavmusoT/>. — Дата доступа: 08.11.2021.
6. Приговор № 1-139/2020 от 29 сентября 2020 г. по делу № 1-139/2020 [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ. — Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/wREk8wOXjZQX/>. — Дата доступа: 08.11.2021.
7. Чернышев, Д. Б. Кража из нефтепровода, нефтепродуктопровода, газопровода: проблемы совокупного вменения / Д. Б. Чернышев // Вестн. Казан. юрид. ин-та МВД России. — 2019. — № 2 (10). — С. 234–238
8. Приговор № 1-129/2020 от 29 июля 2020 г. по делу № 1-129/2020 [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ. — Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/RkdEV7y63AVg/>. — Дата доступа: 08.11.2021.
9. Уголовное право России. Части Общая и Особенная : учебник / М. П. Журавлев [и др.] ; ред. А. И. Рарог. — 9-е изд., перераб. и доп. — М. : Проспект, 2018. — 896 с.
10. Производство по уголовным делам. Дело № 1-526/2018 [Электронный ресурс] // Тагилстроевский районный суд города Нижнего Тагила Свердловской области. — Режим доступа: https://tagilstroevsky--svd.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=79947055&case_uid=a5600cf9-287b-4158-8be5-43776db6f39e&delo_id=1540006. — Дата доступа: 08.11.2021.
11. О порядке поставки газа для обеспечения коммунально-бытовых нужд граждан [Электронный ресурс] : постановление Правительства Рос. Федерации, 21 июля 2008 г., № 549 // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». — М., 2021.

Поступила в редакцию 10.11.2021 г.

Контакты: dchernyshev8@mvd.ru (Чернышев Дмитрий Борисович)

Chernyshev D. B.

PROBLEMS OF CRIMINAL LAW QUALIFICATION OF UNAUTHORIZED CONNECTION TO A GAS PIPELINE

The article examines the problem of the courts' qualification of the same actions associated with unauthorized connection to a gas pipeline, and the subsequent theft of natural gas from it, according to various articles of the Criminal Code of the Russian Federation. The authors believe that these actions are qualified under Art. 158 of the Criminal Code of the Russian Federation in the case of establishing and proving the volume and value of the stolen, and under Art. 215.3 of the Criminal Code of the Russian Federation - in the case when it is not possible to establish the amount of damage caused by procedural means. Thus, the interests of justice when imposing punishment are made dependent on the procedural capabilities of law enforcement officers. The authors concluded that it is necessary to exclude from the disposition of Art. 215.3 of the Criminal Code of the Russian Federation of formal actions related to unauthorized connection to the gas pipeline, and the return of the specified norm to the previous version.

Keywords: unauthorized connection, gas pipeline, theft, administrative prejudice, theft.